

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МАГИЯ

Долг или любовь

Злата Лисова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Злата Лисова

**Средневековая магия.
Долг или любовь**

«Автор»

2026

Лисова З.

Средневековая магия. Долг или любовь / З. Лисова — «Автор»,
2026

Она умеет уничтожать мёртвое и видеть духов, зашивать разрывы между мирами. Он умеет выслеживать и убивать таких, как она. Ведьма и инквизитор по разные стороны закона, по разные стороны костра. Когда древнее зло угрожает уничтожить всё живое, им приходится стать союзниками. Один шаг от ненависти к доверию. Одна ночь от смерти к жизни. Одна любовь ради которой можно сжечь всё, во что верил раньше.

Злата Лисова

Средневековая магия. Долг или любовь

Часть

I

. Чужая среди своих

Глава

I

. Знак инквизиции

В древних сказаниях, в страшных сказках

Где лютует снег и мороз

Живут странные люди, в тёмных масках,

Приносящие ведьмам много слёз.

Ночь выплеснула на неё именно таких порождений хаоса — обглоданных койотов. Зрелище не для слабонервных. Особенно когда их несколько дюжин и в каждом стеклянном глазу горит единственное желание — разорвать тебя на части.

«Да уж, не самое простое начало дня после бессонной ночи», — промелькнуло в голове Виринеи, пока она устало смотрела в окно на свинцовые облака.

За стенами избушки раскинулось княжество Бретенское — северный край, зажатый между отрогами Каменного Хребта и древним Старым лесом. Серое, безрадостное небо точно отражало её внутреннее состояние — опустошённое и выжженное.

Зима в этом году поторопилась, нагрянув незваной гостьей уже в начале октября, набросив снежный саван на ещё зелёную, промёрзшую траву. Однако куда больше Виру беспокоило не раннее похолодание, а Навные врата, распахнувшиеся раньше срока. Как и любая ведьма, она привыкла каждый год помогать Дикой Охоте переправлять мёртвых: этот ритуал очищал мир от скверны, нежити и прочих паразитов, цепляющихся к реальности из иных измерений. Но в этот раз подготовка не удалась.

Твари будто почуяли слабинку и начали яростно рвать тонкую ткань мироздания, пробивая в ней дыры. Любое такое вмешательство оставляло глубокие, кровоточащие шрамы на полотне реальности. Если оно порвётся окончательно — миру конец, в лучшем случае. В худшем — все параллельные и астральные планы смешаются в чудовищном хаосе, начнётся война без победителей и побеждённых. И эти твари были проводниками той самой гибели. Они лишь отдалённо напоминали своих земных тёзок. Воплощение гнили и ярости: мощные челюсти, способные перемолоть камень; лапы, изнутри усеянные острыми, словно бритва, шипами — их назначение до сих пор оставалось загадкой, разве что для устрашения. Тёмная склизкая шкура, покрытая сочащимися язвами и ключьями разлагающейся плоти. У самых древних сквозь прорехи проглядывал почерневший, будто обугленный скелет. Эти были опаснее всех: они видели битвы, выжили там, где другие обратились в прах, и в их движениях сквозила леденящая душу расчётливость. Каждый выпад, каждый удар клыков, с лёгкостью крошащих гранит, нёс холодную тень небытия. Смерть от такой твари далека от быстрой и чистой.

И вместо долгожданного отдыха ей пришлось встать на защиту мира. Мира, в котором она давно уже чувствовала себя чужой. Но долг есть долг.

История помнила случай, когда стая загрызла одну из сестёр примерно три с половиной века назад. Тело ведьмы растерзали за считанные минуты, а её предсмертный крик, сплетённый с магическим выплеском, эхом прокатился по всем, кто чувствовал нити силы. К счастью, та успела собрать остатки мощи в сферу и отправить ковену. Ковену... Когда-то они были семьёй — крепкой и нерушимой. Теперь каждый выживал в одиночку, а редкие небольшие объединения оставались лишь бледной тенью былого братства. Но память о погибшей сестре,

сумевшей даже в последний миг исполнить долг, служила Виринея мрачным напоминанием: цена ошибки слишком высока, чтобы позволить себе слабость.

Именно эта мысль заставила её вчера забыть о травме, бросив все силы на завершение битвы.

Сама схватка, как ни странно, заняла не так много времени по сравнению с кропотливой, изматывающей работой по зашиванию портала. Сначала нужно было отыскать в хаосе мироздания подходящий поток энергии — древний, мощный, живой. Провести его через измождённое тело, вдохнуть в левую руку, наполнить грудную клетку до лёгкой, болезненной дрожи. И только затем тонкой ведовской иглой приняться за штопку. Прорывы случались так часто, что, если бы кому-то удалось взглянуть на великое полотно реальности целиком, оно предстало бы сплошным покрывалом из грубых, но прочных магических заплат.

Утром от той ночи осталась лишь ноющая боль в щиколотке. Виринея со стоном поднялась с постели, и боль тут же пронзила ногу, напоминая о вчерашнем. Уворачиваясь от смыкающихся челюстей одного из псевдособак, она оступилась на скользком камне — нога подломилась с отвратительным хрустом. Думать о травме тогда было некогда: Мыслительную тишину разорвал тяжёлый медный голос колокола.

Один. Два. Три.

Три мерных удара с охранной башни поплыли над крышами, заставляя замирать повседневный гул. Весть была ясна: в город прибыл кто-то, чей статус не терпит промедления.

Виринея оторвалась от окна и неторопливо направилась к выходу. Босые ступни бесшумно скользили по прохладным половицам. В низком дверном проёме, увешанном связками сухих трав, она на мгновение замерла, инстинктивно пригнув голову, чтобы колючие метёлки полыни и чертополоха не зацепили волосы. Воздух здесь всегда был густым, горьковатым от пылицы и памяти о лете. Пальцы обхватили железную скобу невысокой дубовой двери, снаружи испещрённой глубокими насечками — защитными рунами, которые при свете дня казались лишь причудливой резьбой. Дверь открылась беззвучно, впустив запах мокрого снега и холодного камня. Она сунула ноги в кожаные сапоги и шагнула наружу — и сразу же, повинувшись инстинкту, прижалась спиной к косяку, сливаясь с домом. Ветер тут же ударил в лицо, но она не шелохнулась. У главных ворот застыла группа всадников: десяток мужчин на мощных конях, которые нетерпеливо били копытами. На них стальные кольчуги и ярко-синие плащи полоскались на пронизывающем ветру. А по ткани — будто кровавые ожоги — разметались вышитые черепа в тёмно-бордовых лепестках роз. Знак инквизиции. По спине Виринеи пробежала ледяная волна.

Она наблюдала, как всадники ведут короткий властный разговор со стражниками. Слова долетали обрывками: «...аудиенция... князь Бретенский... Захар Великородный...». Князь, судя по замешательству у ворот, гостей не ждал, и группу направили в таверну для ожидания. Но вместо того чтобы двинуться к центру города, один из всадников, сидевший в седле с неподвижностью статуи, резко вскинул руку в перчатке. И вся кавалькада, словно по незримой команде, развернула коней. Не к таверне. Мимо её дома, напрямиком к княжескому двору — сидеть в таверне мужчины явно не планировали.

Она отпрянула внутрь, притворив дверь так, чтобы резные защитные символы исчезли в полумраке. Времени на размышления не оставалось. Схватив с крыльца старую метлу, Виринея вышла обратно и принялась усердно, только для виду, сметать с каменной дорожки листву, припорошённую первым снегом. Сердце её колотилось где-то у горла, но руки не выдавали волнения. Дробный грохот подков замер прямо у плетня. Она чувствовала на себе тяжесть десятка взглядов, но подняла глаза лишь тогда, когда они остановились. В этих глазах, уже не таивших притворства, вспыхнуло ледяное презрение. И тут же вступил в силу особый дар — и проклятие — её рода: перед ней развернулась ужасающая картина.

Руки каждого всадника от кончиков пальцев до локтей пылали густым багровым свечением — светом пролитой человеческой крови. Но сквозь этот зловещий багрянец у некоторых пробивалось иное: мерцающие фиолетовые искры — умерщвлённые носители магии, и редкие, болезненно-яркие всполохи лазурного — кровь мифических существ, почти истреблённых.

От этого зрелища, от волны немой ненависти и жестокости, что исходила от них, к горлу подступил ком. Её чуть не вырвало. Она впилась ногтями в черенок метлы, сдерживая инстинктивный порыв — швырнуть в лицо предводителю печать немого проклятия, которое сожгло бы его изнутри.

Всадники тронулись дальше. Глубоко, почти судорожно вдохнув ледяной воздух, Виринея сделала шаг к двери, решив больше не испытывать судьбу. Но в этот миг раздался резкий фыркающий звук, сопровождаемый тяжёлым топотом копыт — чей-то конь задержался.

Она обернулась. Её взгляд столкнулся с парой глаз, пристально изучавших её. Широкоплечий всадник сидел в седле с небрежной уверенностью. Правую половину лица скрывала чёрная кожаная полумаска, захватывавшая часть лба и скулы и набегавшая на левый глаз. На этой маске на секунду, будто отозвавшись на её взгляд, проступили и тут же стёрлись, словно испуганные светом, тончайшие синие узоры, закрученные в таинственные спирали. Виринея непроизвольно протёрла глаза, решив, что это игра усталого зрения. Но нет. Он продолжал смотреть. Его видимый глаз был цвета полярного льда — холодный, лишённый теплоты, но в самой глубине прыгал крохотный любопытный огонёк. Голубоглазый брюнет медленно, оценивающе обводил её фигуру взглядом — от худых ног, небрежно обутых в сапоги, до смуглого лица с застывшим высокомерием и скрытым страхом. Он рассматривал её ночную сорочку из простого льна, которую она когда-то ловко подшила, убрав лишнюю ткань, чтобы ничего не мешало в схватке. Теперь же этот практичный крой обрисовывал каждую линию тела, выдавая с головой.

Всадник уловил этот вспыхнувший на её щеках багрянец — знак осознания и ярости, — и тогда медленно, с наглой усмешкой уголком неприкрытого рта, ослабилась. Это была улыбка хищника, выследившего занятную дичь. Не проронив ни слова, он грубо дёрнул поводья, развернул коня и рысью поскакал догонять своих. Виринея осталась на пороге — с метлой в дрожащих руках, с жгучим стыдом и леденящим ужасом, сковавшим её изнутри.

Глава

II

. Амарок

Захлопнув дверь со всей силы, она вызвала в своей обители миниатюрный катаклизм. Со стеллажей, зазвенев тонким хрустальным плачем, посыпались склянки и пузырьки; некоторые, падая, оставляли на полу причудливые узоры из разлившихся эссенций, пахнущих мятой, полынью и чем-то горько-металлическим.

— Какой наглец! Бездушный подлец! Где его, чертяку, манерам учили? — вырвалось у Виринеи сквозь стиснутые зубы.

— Чёрт! Чёртов козёл в синем плаще!

Вспышка гнева оказалась настолько стремительной, почти животной, что ведьма, не успев опомниться, резко махнула рукой в сторону летящих осколков. Они послушались — но не магии в её чистом виде, а слепой, яростной волны силы — и впились в деревянную стену, словно острые шипы. Так и замерли, сверкая на свету, точно обломки-клинки.

Из глубины дома, сквозь шум утихающего хаоса, донёсся протяжный бархатистый голос, в котором звучала тысячелетняя усталость:

— Ну и чего ты орёшь, как раненая птица?

Раздался мягкий стук упавшего на пол предмета, затем скрипнули половицы под тяжестью — и в дверях возник силуэт. Амарок, дух-волк. Его шерсть напоминала лоскут ночи, вобравший лунное сияние. Глаза светились бледно-лиловым белком, а зрачки казались прова-

лами в бездну. Мощные лапы с длинными изогнутыми когтями были похожи на медвежьи, но в них таилась призрачная грация. Это был фетч Виринеи — её защитник, молчаливый свидетель веков и мудрый советник. Дух, способный по воле ведьмы обретать плоть и вес, становится реальностью для избранных. Амарок первым из её созданий научился управлять своим проявлением: оставаться незримой тенью или грозной явью. За этот дар Вире заплатила унижением — она молила саму Хранительницу Навного мира, Ягунью, вымаливая лепесток цветка папоротника, что распускается раз в тысячелетие. Платой стала клятва: вечно стоять на страже Навных врат и в любой миг являться на зов.

Волк лениво, почти с человеческой укоризной повернул массивную голову в сторону стены, усеянной осколками, затем перевёл сиреневый взгляд на хозяйку.

— Ночь и так выдалась не из лёгких, а ты тут... Грохочешь, будишь всё эхо в доме, — произнёс дух, и в его голосе прозвучало не столько раздражение, сколько привычная снисходительная усталость.

— Теперь всё стало только сложнее, — выдохнула Виринея, потирая виски. — К нам пожаловали инквизиторы. Я ещё не успела разглядеть, с каким ветром их занесло... — она замолчала, брови сдвинулись в озабоченную складку. — Обычно я чувствую такие вибрации заранее, а тут... полная тишина. Это выбивает из колеи.

— Твой гневный всплеск был о другом, но не будем трогать задетую гордость, — мягко парировал Амарок, улавливая нюансы её энергетики. — Я могу сходить. Разведать, послушать, стать тенью. Что скажешь?

Ведьма, всё ещё бурча под нос что-то невнятное — слова, больше похожие на заклинания от дурного глаза, — направилась в кухню. Здесь, в полумраке, стоял массивный круглый стол, служивший алтарём. На нём, на белоснежной скатерти, украшенной узловатыми защитными узорами, будто вытканными самой судьбой, царил свой миропорядок. Пирамиды из камней возвышались подобно миниатюрным священным горам: глубокие фиолетовые и зелёные аметисты, холодные и ясные кристаллы горного хрусталя, нежный розовый кварц, унакит с причудливыми розово-зелёными прожилками, строгие тёмно-синие кианиты, полосатые агаты и тёплые цитрины. Всё это переплеталось с пучками сухих трав, свежими жёлтыми бедренцами, ловцами снов из шёлковых лент, колышущихся от малейшего движения воздуха. Здесь пахло пылью, воском, благовониями и тишиной.

Присев на шаткую табуретку у алтарного столика, Вира осторожно достала из складок одежды перламутровый, переливающийся на тусклом свете свечей мешочек. Коротко встряхнула — внутри глухо стукнуло дерево о дерево. Опустив руку, извлекла три грубоватые, отполированные временем плашки, на каждой из которых горели, словно выжженные самим Родом, древние руны. На мгновение пальцы ведьмы замерли над ними, не касаясь.

— Хагалаз, Дагаз, Вирт... — голос её упал до шёпота, словно боясь спугнуть тишину дома. Она повторила снова, пробуя сочетание на вкус, на страх:

— Хагалаз, Дагаз, Вирт... Разрушение. Война. Переход... Вирт... — она сглотнула. — Пустота.

Взгляд её остановился на дрожащем языке пламени, и в глубине зрачков отразилось понимание, от которого кровь стынет даже у ведьмы.

— Они хотят изменить судьбу. Перекроить ход событий, выиграть войну. Но не ту, что идёт между княжествами. — Тишина в комнате стала такой плотной, что даже Амарок, привыкший к безмолвию веков, напрягся, затаив дыхание. Он уже знал, прочитал ответ по её побелевшим костяшкам пальцев, но ждал, что она скажет это вслух. — Они хотят уничтожить магию. Запечатать порталы, перекрыть каналы, закрыть Врата навсегда... Их цель — избавиться от нас.

— Вира, — голос волка прозвучал глухо, почти умоляюще. — Ты уверена? Может, это лишь о распрях между городами? Война с магией... Это же конец. Без неё мир лишится опоры, планета истечёт кровью и не сможет себя исцелить. Она обречена.

— Абсолютно, — отрезала ведьма, и в этом слове не осталось места сомнению. Помедлив, подняла глаза на фетча. — Но сперва нужно узнать, о чём они говорили с Захаром Великородным. Пока тайный совет не ушёл в тень.

Виринея резко поднялась и скользнула в спальню, где на спинке кровати висели пригтовленные вещи. Одеваться она умела быстро — жизнь научила ценить каждое мгновение.

У ведьм был свой негласный кодекс: не выделяться, не привлекать лишних взглядов, но при этом всегда быть готовой. Под длинной юбкой или расписным сарафаном, скрытые незримым разрезом, обязательно надевались удобные порты с глубокими карманами, в которых хранилось самое необходимое: мешочки с крупной солью, пучки сушёных трав, острый атам в ножнах. На правом запястье, плотно обхватывая тонкую кость, всегда красовался серебряный манжет с полудрагоценным камнем — оружие последнего шанса, ведь серебро для большинства тварей было верной смертью. А длинные волосы, заплетённые в тугую косу, таили не только красоту, но и защиту: мелкие белые цветы вплетались меж прядей вместе с колкими веточками полыни, чтобы русалки не заманили в омут, а нежить обходила стороной без лишней схватки.

Вира двигалась чётко, без лишних движений. Ведовские порты мягко обтянули ноги, льняная рубашка легла по плечам, поверх — распашной сарафан цвета тёмной вишни с вышитыми красными обережными узорами по подолу и широким поясом, стянутым на талии. Собрав со стола всё необходимое и спрятав по карманам, она подошла к зеркальцу и быстрыми привычными движениями вплела в русую косу свежие бутоны и веточку полыни в качестве защиты. Всё решилось за мгновения — быстрее трёх коротких ударов сердца.

Оставалось последнее — сила. Не грубая сила заклятий, а сила, перед которой преклоняются. Атам и украшения. Сегодня ей недостаточно просто защищаться. Сегодня нужно давить. Весом рода, властью, древним блеском.

Вира решительно потянулась к шкатулке. На мочки ушей тотчас легли тяжёлые серебряные серьги, а на пальцы — широкие кольца с крупными, дышащими тьмой кроваво-красными рубинами. В руках ведьмы этот камень обретал иную природу: он подчинял волю, выбивал правду из уклончивых уст, не позволял лгать, смотреть в сторону, прятать глаза. Сегодня без этого не обойтись. Сегодня рубины будут говорить за неё.

Манжет на запястье она отливала сама, вкладывая в оправу камни, подобранные с расчётом на любой исход. Цитрин — когда силы на исходе, он питает, не даёт угаснуть. Хризолит — затягивает раны быстрее, чем если бы ведьма сама себя регенерировала. Обсидиан, чёрный и зеркальный, — в минуту крайней нужды она могла вытянуть из него клинок твёрже стали, но плата была высока: после использования камень рассыпался в пыль, а найти новый в этих землях становилось всё труднее.

И последний, главный. Драконий камень. Ярко-алый, с прожилками, похожими на чешую, — он спал в оправе, но Вира чувствовала его жар даже сквозь кожу. Броня. А в руках по-настоящему сильной ведьмы — призыв. Однажды, на грани катастрофы, когда Навные врата дрожали и грозили обрушиться, когда у ковена почти не осталось сил, одна из сестёр решилась. Она призвала защитника из драконьего мира, удержала врата — и рухнула замертво. Девять дней без сознания, месяц восстановления. Та ведьма была сильнейшей своего времени, легендой. Простая же ведьма, рискнувшая повторить, скорее всего, просто перестала бы дышать.

Вира провела пальцем по холодной глади рубина в кольце и глубоко вздохнула. До драконьего камня дело дойдёт лишь в том случае, если мир действительно покатится в бездну. А пока — пусть говорят серьги, кольца и серебро на запястье.

Ведьма задержала ладонь над шкатулкой, где в бархатных гнёздах покоились атамы. Пальцы скользнули мимо грозных, украшенных самоцветами клинков — не сегодня. Сегодня нужна не сила, что бьёт в глаза, а та, что остаётся незамеченной, пока не станет слишком поздно.

Она выбрала тонкую, чуть изогнутую иглу с прозрачным хрустальным навершием вместо ушка. Изящная вещица — как дорогая заколка или забытая шпилька из купеческого приданого. Под увеличительным стеклом просто украшение, а для знающего — оружие: зашить дыру между мирами или вскрыть её там, где нужно ведьме. Игла легла во внутренний карман сарафана, холодом кольнув сквозь ткань.

Вира окинула взглядом избушку. Тёплое дерево с запахом воска и сотен ночей, склянки на полках, уютный полумрак — каждый угол здесь дышал защитой. Вздохнула и коротко махнула рукой, будто смахивая невидимую пыль.

Иллюзия стекла по стенам мягкой рябью.

Там, где мгновение назад стоял алтарь с каменными пирамидами, появился грубоватый, но добротный обеденный стол с льняной скатертью. Вместо пучков полыни и зверобоя над дверью повеселели связки сушёных яблок и лука. Склянки с зельями оплыли, превратившись в пузатые чашки и расписные тарелки, а защитные руны на косяках и подоконниках — наследие десятков поколений — просто исчезли, будто их никогда и не было. Обычный дом обычной женщины. Никто не придерётся.

Морок. Простейший фокус, который умеет каждая ведьма, едва научившись шептать первые слова силы. Но именно простота спасает чаще, чем великие заклинания.

Вира поправила пояс, коснулась рубина в сереге и вышла за порог, плотно притворив дверь.

Глава

III

. Княжеская милость

К внутренним стенам Княжьего двора она шла быстрым ровным шагом — не слишком торопливым, чтобы не привлекать взгляды, не слишком медленным, чтобы не выдать неуверенность. В деревянные, окованные почерневшим железом ворота её пропустили без единого вопроса: стражи лишь кивнули, узнав знакомый силуэт, а кто-то из молодых даже снял шапку — то ли из уважения, то ли в попытке привлечь внимание. Виринея здесь была частой гостьей, и в городе давно шептались: одни — с завистью, другие — с надеждой, что именно она станет новой княгиней. Слишком уж явно Захар Великородный задерживал на ней взгляд, слишком часто звал для советов, слишком долго провожал глазами, когда она уходила. Никакой магии, ни приворота, ни присушки — и это была чистая правда. Вира никогда не опутывала князя чарами: честность и открытость работали лучше любого колдовства. К тому же, будь здесь хоть капля ведовского вмешательства, она бы уже правила этим городом сама, а может, и не только этим. Но она не правила. И не хотела.

— Виринея, здравствуй! — голос Ладомира вынырнул из прохладного полумрака княжеских переходов. Навстречу вышел слуга — сухопарый, с ранней сединой в тёмных волосах и вечно встревоженным лицом — и заслонил ей дорогу к высоким дверям княжеской горницы. Он замялся, переступил с ноги на ногу, и Вира внутренне подобралась. К князю сейчас нельзя, заговорил Ладомир вполголоса, косясь через плечо: у него важные гости из-за моря, с самого Промока, просил не беспокоить ни под каким предлогом.

«Промок...» — задумалась Вира. Не тот ли это край, где новая вера, христианская, если память не изменяет, стремительно берёт верх над светской властью? Она пыталась вспомнить, не оттуда ли началась охота на ведьм и запрет любой магии, кроме церковной. Девушка смотрела на Ладомира и ждала его предложений, зная — домой он её не отправит. Слуга замялся ещё сильнее, явно не зная, как смягчить отказ той, кого князь, по слухам, готов был пускать

без стука в любой час, но предложил посидеть в трапезной у печи, заверить чай с мелиссой и мёдом, как она любит. Ведьма кивнула, опустил ресницы, и Ладомир облегчённо выдохнул, засеменяв вперёд по узкому серому каменному переходу, где эхо шагов металось между сводами.

— Ладомир, — позвала она негромко, и в голосе зазвенела лёгкая, почти девичья капризность. — Может, знаешь, что за гости такие? И чего им надобно?

Слуга обернулся, и она улыбнулась ему открыто, чуть смущённо, словно простая горожанка, которой не терпится поделиться с князем маленькими новостями. Мне так не терпится с Захаром поговорить, добавила она с оттенком мечтательности, и Ладомир, романтик, дрогнул лицом. Поняв, что ответа так не дождётся, Вира потёрла красный камень, и собеседника окутал кровавый туман, который видела только она. Магия подействовала, и слуга осторожно оглядел коридор — пусто, лишь факелы шипят смолой да тени пляшут на стальных стенах — и шагнул ближе, понизив голос до шёпота: инквизиторы это из самой метрополии, им нужны ведьмы и колдуны, с их помощью хотят войну переломить, что на той стороне материка разгорелась. Он сглотнул, точно слово «ведьмы» обожгло горло.

Виринее пришлось сделать усилие, чтобы не дать лицу окаменеть. Вместо этого она округлила глаза, приоткрыла губы — и в этом движении было столько неподдельного изумления, что самому искусному лицедею стало бы завидно.

«Инквизиторы?» — выдохнула она, и в голосе дрожали нотки испуга, любопытства и недоверия, замешанные в нужной пропорции. Ладомир прошипел, чтобы она была тише, испуганно оглядываясь, словно сами стены могли донести князю о его болтливости, и торопливо провёл её дальше.

Трапезная была настолько огромна, что в ней терялся даже тяжёлый стук копыт — когда на праздник Сбора Урожая княжеская дружина заезжала прямо внутрь на конях. Стены из старых брёвен складывались в неровный пятиугольник, в трёх углах гудели печи, облицованные белыми, будто сахарными, изразцами, разгоняя каменный холод, а у каждой печи стоял длинный дубовый стол с резными стульями. У высоких окон — ясеневые ставни, сквозь которые пробивался только мутный сонный утренний свет. От пола уходили вверх две лестницы, закручиваясь вокруг столбов причудливыми спиралями: одна — на княжеский балкон, другая — на гусярную галерею. Пол был выложен тёплым серо-бежевым камнем, а центр зала подпирали резные столбы, увитые тонкой работой безвестных мастеров. Этот зал был душой города — единственный в своём роде, где князь, потомок Великородных, предпочитал встречать праздники не в тесном кругу приближённых, а распахнув двери для каждого горожанина.

Ладомир указал на место у растопленной печи, что располагалась по правую руку от лестницы, ведущей к княжескому балкону, и вполголоса велел садиться там, обещая скоро принести чай и прося не шуметь ради всех богов. Вира кивнула коротко, благодарно, и послушно направилась к указанному месту.

Терпение. Двадцать три года жизни, из которых почти десять — постоянная выматывающая охота, научили её одному: ждать. Уметь молчать, замерев в тени. Выдыхать не тогда, когда хочется, а когда можно. Девчонкой она была другой — резкой, как удар плети, не любила ни тактику, ни стратегию, ни долгие расклады. В лоб, напролом, бей, пока видишь цель. И ей везло — слишком долго везло. Казалось, она неуязвима, почти бессмертна, сама смерть обходит её стороной, сплёвывая через плечо. А потом появился Лукий.

Первый фетч. Чёрный кот с янтарными глазами, старый, мудрый и бесконечно усталый. Его прежняя ведьма ушла за грань, растворилась в эфире, и Лукий, верный долгу, нашёл ту, кому мог передать копившуюся веками мудрость. Он пытался: ходил за ней по пятам, тёрся о ноги, шипел, когда она выскакивала за порог без мешочков с солью, без браслетов, с одним атамом на голой шее. Он говорил с ней — строго, настойчиво, умоляюще, — но молодая упря-

мая ведьма пропускала его слова мимо ушей, заканчивая схватки раньше, чем Лукий успевал договорить. И однажды она допрыгалась.

Келпи. Полуразложившаяся туша, чёрная, маслянисто-блестящая, с глазами, полными ледяного нелюдского разума. Эту тварь не бродила сама по себе — её послали пробить портал, подготовить почву для прихода кого-то более страшного, более древнего. Маленькая самоуверенная Вира влетела в бой, не успев даже достать атам. Келпи бил копытами — тяжело, методично, с жестокой расчётливостью. Первые удары переломали рёбра, вторые выбили воздух из лёгких, третьи вдавили её в мокрую холодную землю у самого края пульсирующего портала. Она помнит только небо — серое, в рваных тучах — и огромное копыто, занесённое над головой. Чудовище целилось точно, сразу двумя ногами, чтобы разmozжить череп в лепёшку. А потом из ниоткуда вылетел чёрный вихрь — Лукий. Откуда в старом уставшем коте нашлось столько силы и ярости, Вира не знает до сих пор. Он врезался в морду келпи, сбил его с ног, вцепился когтями в разлагающуюся плоть и вместе с тварью улетел в распахнутую пасть портала. Ткань миров схлопнулась мгновенно, с влажным чавкающим звуком, отрезая путь обратно, и забрала с собой Лукия.

Вира кричала долго, пока не сел голос, царапала землю, пытаясь нащупать хоть щель, хоть ниточку, хоть намёк на то место, где только что зиял разрыв между мирами. Кот отдал себя ткани мироздания, стал её частью, заштопал дыру своей жизнью, душой, своим последним «мяу», которое она так и не услышала, и стал частью её самой. Боль от потери первого фетча не отпускала годами, въелась в кости, осела горьким налётом под веками, научила тому, что не смог вдолбить живой тёплый ворчащий кот. Обычно после гибели духа-хранителя другие к ведьме не приходят — считают слабой, ненадёжной, неспособной уберечь того, кто отдаёт ей свою сущность. Но через два года пришёл Амарок: огромный, чёрный, бесшумный, с глазами цвета бледной сирени, пришёл и лёг у ног, положив тяжёлую голову на лапы — без слов, без упреков, просто был всегда рядом. И тогда Вира дала себе слово: ждать, наблюдать, планировать, не лезть в драку без разведки и, главное, слушать тех, кто мудрее, кто старше, кто видел, как рассыпаются в пыль самоуверенные ведьмы, не успевшие даже вскрикнуть.

Она положила руку на внутренний карман, где покоилась хрустальная игла-атам, и медленно выдохнула. Терпение. Всему своё время.

Из глубины Княжьего двора донёсся приглушённый расстоянием и толщиной стен звон колокола — два удара, час дня. Совещание затягивалось. Вира перевела взгляд на лестницу, ведущую к балкону князя: там, за тяжёлыми дверями, сейчас решалась судьба не только города, но и всего, во что она верила, и всех, кто был ей дорог. Она научилась ждать, но ждать — не значит бездействовать.

Пока Виринея сидела у печи, погружённая в вязкую горьковатую память о Лукии, время текло мимо неё неслышное, как вода сквозь пальцы. Она и не заметила, как вернулся Ладомир, ступавший по каменному полу почти беззвучно, словно сам когда-то учился у теней. Перед ней на дубовую столешницу мягко опустилась фарфоровая чашка — тонкого белого черепка, с едва заметной трещинкой по ободку, отчего та становилась только роднее, — а рядом прозрачная пиала, в которой густо, почти черно, алело вишнёвое варенье, пахнущее летом, солнцем и той щемящей сладостью, что бывает только у вишни, сорванной в собственном саду. Вира подняла взгляд и улыбнулась ему тёплой улыбкой, которую приберегала для тех, кто был ей по-настоящему дорог, и поблагодарила. Ладомир отвёл взгляд, коротко вздохнув, и сказал, что она всегда была для него как сестра. В этом «была» пряталось столько недосказанного, столько утраченного, что ведьма мгновенно поняла: он снова вспоминает сестру — светловолосую тихую девушку, что ушла под воду одним холодным маем и больше не вынырнула. Вира открыла было рот, чтобы найти те самые нужные слова, что никогда не лежат на поверхности, но прежде чем успела сложить их в предложение, резкий чужеродный звук расколол тишину зала.

Дверь под лестницей, неприметная, которой обычно пользовались лишь слуги для коротких переходов, распахнулась настежь. Из неё вышел Захар Великородный — широкоплечий, раскрасневшийся, с той особенной княжеской статью, что не пропадает, даже когда он сбивает дыхание быстрой ходьбой, а следом за ним, бесшумно ступая по резному камню, словно не касаясь его вовсе, шагнул тот, кого Вира надеялась больше никогда не видеть вблизи. Ледяные глаза инквизитора нашли её мгновенно, будто он знал, где она сидит, будто чувствовал её присутствие сквозь стены. Виринея застыла, не донеся чашку до губ: горячий пар от мелиссового чая щекотал ноздри, а в груди медленно, тягуче разрастался холод.

Князь, не замечая напряжения, распростёртого между гостем и Вирой, широко улыбнулся и направился прямо к ней, распахнув руки в приветственном жесте. Он назвал её дорогой своей Вирой, сказал, как рад, что она пришла, наклонился и поцеловал в щёку — по-свойски, привычно, будто имел на это неоспоримое право. Губы пахли мятным чаем и вчерашним вином.

— А ты думал, что после того, что ты сделал, моей ноги тут не будет? — Вира говорила мягко, но в голосе скользнула едва заметная льдинка. Захар заметно замаялся, переступил с ноги на ногу, и она, сжалившись, позволила уголку губ дрогнуть в намёке на улыбку, добавив, что желания особо приходить не было, просто соскучилась по Ладомиру. Она игриво подмигнула слуге, и тот, не ожидавший такого коварного хода, густо покраснел, уткнувшись взглядом в скатерть. Князь же, напротив, вспыхнул иначе: его взгляд метнулся к Ладомиру с внезапной, почти мальчишеской ревностью, выдававшей его чувства ярче любых признаний.

Инквизитор молчал, стоя чуть поодаль, сложив руки за спиной, и с невозмутимостью статуи наблюдал за этой сценой. Но Вира кожей чувствовала, как его взгляд скользит по ней — от собранных в косу волос с вплетённой полыньёю до самых пят, скрытых длинным подолом сарафана.

— Ладно, Виринея! — Захар сдался первым, как всегда. — Ты же знаешь, что я люблю тебя. И не хотел обидеть. Ни тогда, ни сейчас.

Он резко обернулся к молчаливому гостю, явно радуясь возможности сменить тему, и объявил, что хочет познакомить её с почётным гостем из самого Промока — главным инквизитором императора Константина Промокарского, Лукой. Вира медленно, очень медленно перевела взгляд на лицо человека, который ещё сегодня утром нагло, не таясь, разглядывал её в ночной сорочке у порога собственного дома, того, чьи руки — она знала это наверняка — пылали сейчас багровым, лазурным и фиолетовым светом, невидимым для простых смертных. Она выдавила из себя лёгкую, светскую, абсолютно пустую улыбку, назвала своё имя и коротко качнула головой в скупом почтительном кивке. Лука ответил идеально выверенным поклоном — до сантиметра, до градуса наклона — и произнёс низким спокойным голосом с хрипотцой, что его очень приятно.

— Что ж, вот и славно! — Захар хлопнул в ладоши, разрушая повисшую между ведьмой и инквизитором странную звенящую тишину, и объявил, что пойдёт распоряжаться опочивальней для гостя, а Ладомиру велел подготовить торжественный обед на три персоны. Слуга замер с подносом в руках, переспросил:

— Три? — и услышал в ответ, что князь очень хочет видеть на этом обеде Виру, если никто не против. Захар перевёл взгляд на инквизитора, и тот едва заметно качнул головой, затем на саму Виринею, ожидая её ответа.

Она молчала. На приёмах, куда приглашали важных гостей из иных земель, право присутствовать за одним столом с князем имели лишь его законная супруга и кровные родственники, иногда — помолвленные невесты, но этот статус требовал официального объявления. Захар только что сделал это объявление — не словами, но взглядом, интонацией, самой постановкой вопроса. Внутри у Виры всё взметнулось горячей горькой волной: гнев и изумление перед такой наглостью. Человек, который всего несколько недель назад, перебрав вина на пиру,

прижал её в тёмном коридоре, требуя полного повиновения и отправки в свою койку — она дословно запомнила это выражение, оно вьелось в память, как клеймо, — сейчас стоял перед ней и смотрел с искренней, почти щенячьей надеждой. Она тогда отказала твёрдо, холодно, а когда он попытался взять силой — всего на миг позволила себе то, что умела лучше любых слов: лёгкое движение пальцев, шёпот, неслышимый даже самому близкому уху, и князь, могучий Захар Великородный, мгновенно обмяк и провалился в сон, так и не поняв, что его остановило. Утром он помнил только, что выпил лишнего и, кажется, вёл себя недостойно. Вира не стала объяснять, просто ушла.

И вот теперь он снова смотрит на неё с надеждой, любовью и той особенной мужской слепотой, что не позволяет видеть в женщине ничего, кроме объекта собственных желаний. Она хотела отказать — слова уже собирались на языке, острые, как битое стекло, — но вспомнила руки инквизитора: багровые, по локоть, фиолетовые искры, вплетённые в багрянец, как яд в сладкое вино. Она должна узнать, что они задумали, что обсуждали с Захаром за закрытыми дверями, как далеко простираются их планы.

— Сочту за честь, — услышала она собственный голос со стороны — ровный, спокойный. — Благодарю за приглашение.

Князь просиял и, бросив на Ладомира торжествующий взгляд, стремительно вышел из зала отдавать распоряжения, сияя самодовольством, как начищенный самовар. Слуга, всё ещё с лёгким румянцем на щеках, поклонился и почти беззвучно скользнул к выходу, унося пустой поднос.

Вира не сразу заметила, что осталась один на один с тем, кого сегодня презирала больше всех. Инквизитор всё это время не проронил ни слова, стоя у печи и глядя на догорающие угли, и Вира уже решила, что он просто ждёт возвращения князя. Но когда последние шаги Ладомира стихли в коридоре, Лука медленно, очень медленно обогнул стол и встал у её левого плеча — так близко, что она ощутила исходящий от него холод: не физический, другой, тот, что бывает у людей, слишком долго смотревших в бездну.

— Значит, княжеская шлюшка, — тихо, почти ласково прошептал он, наклоняясь к самому уху. — С деревенского двора.

Удар был точен, рассчитан, нанесён с хирургической аккуратностью туда, где кожа тоньше всего. Виринея перестала дышать: обида — липкая, горячая — плеснула под рёбра, смешиваясь с ледяной яростью. В голове зазвенело, пальцы, лежавшие на столешнице, сами собой сжались в кулак, и ногти до боли впились в ладонь. Она могла бы уничтожить его прямо сейчас, одним движением, размазать по стене, как надоедливую муху, прилетевшую с навозной кучи и теперь жужжащую над самым ухом. В груди копился жар — тот самый, что прежде, десять лет назад, бросал её в бой без разведки, без плана, без единого мешочка с солью, тот, что стоил жизни Лукию.

Молчание затягивалось. Вира чувствовала, как кровь приливает к лицу, заливая щёки густым некрасивым багрянцем. Лука смотрел на этот румянец с откровенным, почти детским любопытством, и уголок его губ дрогнул, пополз вверх — он смеётся, надо мной. Сделать вдох. Выдох. Вспомнить, сколько лет копила силы, чтобы однажды не сорваться. Вспомнить Амарока, который спит сейчас у её порога, свернувшись кольцом чёрной шерсти. Вспомнить Лукия — и ту цену, что он заплатил за её несдержанность. Ярость не ушла, она никуда не уходит, её нельзя прогнать насовсем, но Вира научилась сажать её на цепь. Она медленно, очень медленно повернула голову, посмотрела инквизитору прямо в глаза — в эти ледяные, с застывшими в глубине искрами — и улыбнулась. Нежно, открыто, почти ласково.

— Странно это слышать, — произнесла она внятно, чеканя каждое слово, — от человека, чьё ремесло — убивать без повода всякий люд. Сколько на ваших руках крови, инквизитор? Тысячи? — Она склонила голову к плечу, разглядывая его с притворным сочувствием. — Женщин, наверняка. И детей. Их вы тоже пытаете или предпочитаете быстрый способ?

Лука молчал, его лицо оставалось непроницаемым, лишь желваки на скулах обозначились резче.

— Ах да, — Вира коснулась пальцем подбородка, изображая задумчивость. — Вы же любите запытать человека до смерти, чтобы выбить признания, которые люди говорят лишь затем, чтобы поскорее умереть и не чувствовать больше боли. — Она помолчала. — Вы презренны.

— Я не убиваю невиновных, — голос инквизитора прозвучал низко, сдавленно, как камень, перекрывший русло реки. — Только тёмных ведьм...

Он не договорил. Рывок был стремительным, почти невидимым: в одно мгновение Лука оказался вплотную, и его ладонь замерла в жалком сантиметре от её горла. Вира не шелохнулась, не отшатнулась, только смотрела прямо, не мигая, в самую глубину ледяных глаз, где сейчас плескалось что-то первобытное, давно не отпускаемое на волю. Воздух между ними загустил, стал вязким, как смола.

И в этот миг тяжёлая дверь зала распахнулась, впуская дробный перестук множества ног и звон посуды. Ладомир нарочито бодрим и громким голосом объявил, что холодные закуски просят подавать сюда, а горячее будет чуть позже. Лука отёрнул руку резко, будто обжёгся, его лицо вновь стало непроницаемой маской, лишь ноздри раздувались, выдавая тяжёлое рваное дыхание. Он отступил на шаг, на два, отвернулся к печи, где давно догорели дрова, и только алая россыпь углей тлела, подёргиваясь седым пеплом.

Ладомир, расставляя на столе тяжёлые серебряные блюда с заливным, копчёным мясом и маринованными грибами, поднял взгляд, перевёл его с напряжённой спины инквизитора на Виринею, которая уже сидела на скамье для гостей — неестественно прямая, с побелевшими костяшками сжатых в кулак пальцев, — и тихо, почти умоляюще спросил, не случилось ли чего. Ему совсем не хотелось, чтобы что-то случилось, не сегодня, не здесь. Вира медленно разжала пальцы, позволила лицу разгладиться, губам — сложиться в привычную чуть отстранённую улыбку и ответила, что всё хорошо. Ни к чему кому-то знать об этой перепалке, ни к чему впутывать Ладомира, у которого сестра утонула, а сердце осталось навсегда при ней, на холодном весеннем дне. Она попросила налить ей вина, поднялась и, стараясь ступать бесшумно, направилась к столу, за которым меньше чем через час сядет ужинать с двумя мужчинами: один — убийца, второй — тот, кто видит в ней лишь красивую вещь, которую можно завоевать.

Ладомир понимающе кивнул, его пальцы, чуть дрожащие от напряжения в комнате, потянулись к хрустальному графину, и янтарная жидкость полилась в бокал, наполняя солнечным светом среди серого зимнего утра. Вира приняла вино, сделала маленький глоток — терпкое, с лёгкой горчинкой, оно обожгло горло и покатило внутрь, разливаясь обманчивым теплом. Ладомир виновато потупился, теребя край расшитого пояса, и сказал, что совсем забыл: Великий князь просил её пройти с ним, у него сюрприз.

Виринея медленно, очень медленно закрыла глаза. Где-то в глубине груди, под рёбрами, шевельнулось что-то острое и колючее — то ли раздражение, то ли усталость, уже успевшая стать привычной спутницей этого бесконечного дня. Она сделала большой, почти жадный глоток вина, позволяя терпкой горечи смыть слово, готовое сорваться с языка, открыла глаза и первым делом наткнулась на взгляд Луки. Инквизитор сидел напротив у камина с бокалом в руке, и на его губах медленно, словно нехотя, расцветала саркастическая улыбка. Он ничего не сказал. Ему и не нужно было. Всё со стороны выглядит ровно так, как он и сказал.

— Как шлюха, — прошипела Вира одними губами и, подхватив юбку, направилась за Ладомиром к боковой двери.

Коридор был длинный, сложенный из серого замкового камня, и каждый шаг отдавался гулким эхом, метавшимся меж холодных стен. Вира ступала быстро, почти бесшумно — привычка, въевшаяся в походку за годы охоты, — и размышляла. Как всё это отвратительно выгля-

дит со стороны и изнутри. Но почему, спрашивается, её это должно волновать? Ей сказал это убийца, человек, в котором нет ни капли сострадания, ни искры тепла, один лишь вечный промозглый холод. Мерзкий. Гадкий. Чужой. Нет, ей абсолютно плевать, что он о ней думает. Абсолютно. И если бы она захотела — могла бы превратить его в комара и прихлопнуть ударом ладони или в петуха — того самого, что венчает праздничный ужин на блюде, с яблоком вместо потрохов и румяной корочкой. От этих мыслей внутри разлилось едкое мстительное тепло. Да, она могла бы. Она знает свою силу. Но не станет. Никогда не применяла магию против людей, только лёгкие мороки, почти невесомые, как паутина: чуть смазать память, чуть отвести взгляд, чтобы уберечь себя. Не больше. Это был её личный негласный завет, и она не собиралась его нарушать. Даже ради такого, как он.

Ладомир, повернув в замке тяжёлый ключ, объявил, что Захар просил принять этот подарок как извинение за своё скотское поведение и надеть на приём. Дверь в покои отворилась с мягким, почтительным скрипом, и Вира шагнула через порог, пряча улыбку в уголках губ.

— Так и сказал: «скотское»? — спросила она с лёгкой понимающей насмешкой. Она знала Ладомира, знала, как бережно он всегда пытался отполировать репутацию своего господина, стереть с неё особо въедливые пятна, и знала, что Захар — при всех его недостатках, при всей мужской слепоте и порой непроходимой тупости — вряд ли использовал такие точные, самобичующие слова. Ладомир густо покраснел, пятясь к двери, буркнул, чтобы она надень это, указал куда-то в глубину комнаты и выскользнул за дверь, которую тут же плотно притворил. Щёлкнул замок.

Вира покачала головой. Ах, Ладомир. Добрый, верный, неизменно заботливый. После того как он потерял Злату — последнюю кровную родственницу, маленькую сестрёнку с льняными косами и доверчивым взглядом, — в его сердце образовалась пустота, которую Вира, сама того не желая, заполнила собой. Он сам говорил: «Вы так похожи. Будто она вернулась». Девочка пошла к озеру одна, в тихое тёплое утро, ещё не знавшее беды. А в озере как раз открылся прорыв — неожиданный, внеплановый, из тех, что не предупреждают о своём приходе колокольным звоном. Твари, полуразложившиеся и голодные, вываливались на берег, и одна из них — быстрая, как щучья тень, — утщила испуганного ребёнка под воду. Местная ведьма прибежала, когда портал ещё пульсировал на поверхности, раздирая ткань мироздания неровным рваным краем. Она закрыла его, зачистила берег, отправила тварей обратно в Навь, откуда они явились. Но Златы уже не было: тело исчезло вместе с порталом — растворилось в межмирье, ушло туда, откуда нет возврата. И тогда ведьма сделала единственное, что могла: мороком соткала для свидетелей ложную память.

«Утонула», — сказали они Ладомиру. Оступилась, упала в озеро, и вода сомкнулась над её головой, прежде чем кто-то успел помочь. Спустя пять лет в этом княжестве поселилась молодая ведьма Вириная, и когда Ладомир увидел её впервые — замер, побелел, едва не выронил княжеский кубок.

«Злата», — выдохнул он, и столько боли, надежды и отчаянной любви было в этом одном слове, что у Виры сжалось сердце. Она не согласилась заменить сестру, сказала правду — мягко, но твёрдо. Он кивнул, согласился, принял. Но она видела его взгляды, слышала, как иногда он оговаривается, называя её чужим именем, и знала, что в глубине души Ладомир до сих пор не верит ей. Или не хочет верить.

Вира тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и наконец огляделась. Покои, в которые её привёл слуга, были поистине княжескими: резные наличники на высоких окнах, пропускающих бледный зимний свет; небольшой, но искусно сложенный камин, облицованный зелёным малахитом, переливающимся на гранях от тёмного, почти чёрного, до нежно-травянистого; по бокам его поддерживали две стройные деревянные колонны, увитые золотыми волнами, что вились к самому потолку.

Такие же колонны, только без волн, обрамляли и входную дверь, словно стражи, замершие в вечном карауле. Потолок поражал воображение: по белому, как первый снег, фону вилась золотая вязь — бутоны, листья, целые гроздья цветущих роз, застывших в металле навечно. Кровать занимала едва ли не половину комнаты: широкая, высокая, с балдахином цвета изумрудной лозы, ниспадающим мягкими тяжёлыми складками. Под ногами пружинил огромный ковёр из белой овечьей шерсти — чистый, пушистый, в который хотелось утопить босые ступни и забыться. И туалетный столик: резной, с инкрустацией из самоцветов — аметистов, сердоликов, крошечных искорок горного хрусталя — он стоял у окна, и в его тёмной полированной глади отражалось серое, затянутое облаками небо.

Но взгляд Виры приковало не это. На кровати, поверх изумрудного покрывала, лежало платье. Нежно-лавандовое, переливчатое, будто сотканное из утреннего тумана и лепестков только что распустившейся сирени. Рукава — широкие, струящиеся, от плеча до самого запястья, где собирались в изящную манжету. Ткань струилась под пальцами, ложилась в ладонь прохладной гладкой волной.

«Шёлк, — выдохнула Вира, и в этом шёпоте смешались восхищение, горечь и усталое смирение. — Явно из-за моря, у нас такого нет». Подойдя ближе, она провела ладонью по ткани, чувствуя, как та скользит, почти живая, и приняла решение: штаны останутся.

Захар и Лука уже вели неторопливую беседу у камина, когда двери в зал распахнулись. Князь поднял бокал, собираясь что-то сказать, и замер — слова умерли, не успев родиться. Виринея вошла плавно, словно не шла, а плыла над каменным полом, едва касаясь его носками расшитых туфель. Голову держала высоко, но без тени надменности — с той естественной врождённой грацией, которую невозможно сыграть, которую можно только иметь или не иметь. Движения её были скупы, выверены, но не заучены — они текли из самого центра существа, из той глубины, где обитает истинная женская магия, не требующая ни заклинаний, ни атамов. Она шла к мужчинам у камина так, будто всю жизнь провела при дворе, будто манеры княжны впитала с молоком матери, будто не было ни лесной избушки, ни охоты на нечисть, ни бессонных ночей у штопаных порталов. Просто было. И всё.

Волосы она уложила в затейливый пучок и искусно вплела в него серебряный гребень с жемчугом — тот самый, что нашла на туалетном столике. Рядом с гребнем лежали серьги и ожерелье: крупный тёплый жемчуг, молочный, с едва заметным розоватым отливом. Польнь, колючую и верную защитницу, Вира спрятала в глубине причёски, а мелкие цветы, что ещё утром украшали косу, вынула — вместо них засиял благородный блеск драгоценностей. Платье сидело идеально: шёлк обтекал фигуру, ниспадал волнами к самому полу, скрывая грубые ведьмовские штаны, но Вира знала, что они там, и это знание придавало сил. Корсет, расшитый фиолетовыми аметистами и жемчужными бусинами, подчёркивал тонкую талию, делаая её почти неправдоподобно узкой. Обнажённые плечи белели в полумраке зала, и этот откровенный, целомудренный жест добавлял образу той особенной хрупкости, от которой у мужчин перехватывает дыхание и немеют пальцы.

Вира остановилась у стола, обвела взглядом присутствующих. Захар смотрел на неё, приоткрыв рот, и забытый бокал в его руке медленно кренился, рискуя расплескать вино на ковёр; зрачки расширились, и в них плескалось такое откровенное, почти мальчишеское восхищение, что Вира на мгновение даже почувствовала укол совести. Лука скользнул по ней взглядом — быстро, цепко и холодно, как зимняя стужа, что заползает под одежду на безлюдной дороге. Ни тени восхищения, ни искры интереса: тяжёлый оценивающий взгляд — и тут же обратно, в тарелку, к недоеденному куску мяса и остывающему соусу. Вира почувствовала, как внутри шевельнулось что-то странное. Не разочарование — нет, скорее лёгкое, почти незаметное удивление или досада. Она тут же одёрнула себя: какая разница, что он там видит и как смотрит? Он — никто. Чужак. Убийца с руками по локоть в крови тех, кто был ей если не сестрой, то дальним, но родным по духу. Она здесь не для того, чтобы ему нравиться.

— Вира... — Захар наконец обрёл дар речи, и голос его прозвучал хрипло, сдавленно. — Ты... богиня. Просто богиня.

Он поднял бокал, расплескав-таки несколько капель на запястье, и не заметил этого. За твою красоту и за этот вечер, провозгласил князь, не сводя с неё глаз. Вира склонила голову в лёгком, почтительном кивке, принимая тост, и краем глаза, сквозь опущенные ресницы, заметила, как пальцы инквизитора, сжимавшие нож для мяса, едва заметно дрогнули. Всего на миг, а затем снова стали неподвижны, как у статуи.

Князь вожделенно вздохнул — тем особым влажным вздохом, от которого у Виры всякий раз внутри всё переворачивалось, — улыбнулся быстро, словно боясь, что видение исчезнет, поднялся и, обойдя стол, с почтительной поспешностью отодвинул тяжёлый дубовый стул. Он сказал, что так и знал: этот образ сделает её ещё более восхитительной и очаровательной, и замер в полупоклоне, ожидая, пока она соизволит сесть. Вира медленно, с царственной грацией опустилась на стул, держа голову высоко, спину прямой, как струна, — осанка, которой могли бы позавидовать иные княжны, с детства приученные носить на темени книги. Краем глаза она заметила, как пальцы князя дрогнули над спинкой стула — словно он боролся с желанием коснуться её обнажённого плеча. Не коснулся. Совесть всё-таки не до конца атрофировалась.

— Великий князь, — произнесла Вира с той особенной, чуть ленивой игривостью, от которой у мужчин подкашиваются колени, — будьте любезны наполнить мой бокал этим изысканным вином.

Она чуть склонила голову, глядя на князя из-под опущенных ресниц, и в этом взгляде было столько почтительного восхищения, сколько не снилось ни одной придворной даме. Захар, польщённый до глубины души, схватился за графин с такой поспешностью, что едва не расплескал янтарную влагу на скатерть.

— Я бесконечно признательна, — продолжила Вира, принимая наполненный бокал и с наслаждением вдыхая тонкий фруктовый аромат, — что вы пригласили меня сегодня отужинать с вами и вашим... очаровательным гостем.

Она ухмыльнулась — уголком губ, едва заметно, но достаточно для того, чтобы сидящий напротив инквизитор поперхнулся только что откушенным куском фазана. Лука закашлялся, прикрывая рот салфеткой, и Вира с удовлетворением отметила, что даже у идеальных машин иногда случаются сбои.

— Расскажите, — она перевела взгляд на князя, и голос зазвучал доверительно, почти по-детски любопытно, — любопытной даме, о чём же нас просит император Константин? И куда вы отправили прочих посланников святой инквизиции?

Она пригубила вино, с наслаждением задержав его на языке, и испытующе посмотрела на Захара. Князь открыл рот, явно собираясь ответить обстоятельно и с чувством собственной значимости, но прежде чем он успел издать хоть звук, его опередил низкий спокойный голос: с вашего позволения, князь, я утолю жажду вашей любопытной спутницы. Захар замаялся, глянул на инквизитора, на Виру, снова на инквизитора — и, не найдя в себе сил возражать, лишь кивнул, отодвигая свою роль на второй план.

Лука отложил нож, промокнул губы салфеткой — медленно, тщательно, с педантичностью человека, привыкшего контролировать каждое своё движение, — сделал глоток вина, позволяя янтарной влаге смочить горло, и лишь затем заговорил. Как Виринея уже изволила заметить, святой инквизиции здесь нет — он выделил слово «святой» с едва уловимой, почти незаметной иронией, — основной состав отбыл на другое задание, а затем проследует обратно в Промок. Он выдержал паузу, глядя на огонь, танцующий в камине, и продолжил: он же должен остаться и выполнить поручение государя Константина, и в ближайшее время будет жить в этом дворце, князь Захар великодушно разрешил ему это. Лука поднялся — плавно, без единого лишнего движения — и направился к камину, взял из дровницы несколько поленьев, одно за другим, и аккуратно уложил на догорающие угли. Сухое дерево тотчас занялось, затре-

щало, выбросив вверх сноп золотистых искр. А также, продолжил он, не оборачиваясь, князь пожаловал ему чин при дворе: теперь он временно исполняет обязанности главного воеводы. Он помолчал, глядя, как огонь лижет свежую кору, и добавил, что прежний воевода слёг со странной болезнью.

И только тут он повернулся. Медленно, неспешно. В его глазах — этих ледяных, с застывшей на дне вечной мерзлотой — вдруг вспыхнуло что-то живое. Азарт. Интерес. Хищное, почти волчье любопытство. Он уже видел такое у нас, под Промоком, произнёс он, не сводя с Виры немигающего взгляда, и сделал шаг от камина, ещё один. Тело покрывается красными пятнами, язык — в язвах, жар не сбивают уже сутки, и лекари только разводят руками, шепчась о порче и сглазе. Тишина в зале стала звонкой, как натянутая струна, даже огонь, казалось, притих, прислушиваясь. Это работа тёмной ведьмы, подытожил Лука, и я найду её. Последние слова он произнёс, глядя прямо в глаза Виринее, в упор, не мигая.

По спине ведьмы пробежал холодок — не тот, привычный, от сквозняка или зимней стужи, а иной, глубокий, рождённый древним инстинктом загнанной в угол дичи. Кто-то пытался вскрыть её защиту. Она почувствовала это мгновенно — как если бы невидимые пальцы осторожно, но настойчиво ощупывали каждый узелок, каждую петельку её ментальной брони. Вира напрягла зрение — то особенное, ведьминское, что позволяло видеть следы чужой магии даже в полной темноте, — но не увидела ничего: ни отпечатков, ни эфирных нитей, ни единой искры чужеродного света. Только глухое тревожное эхо чужого прикосновения, осевшее где-то под рёбрами тяжёлым холодным камнем. Стало трудно дышать.

Инквизитор стоял напротив и смотрел на неё. Он не обвинял — пока. Но он знал. Был уверен, что ведьма здесь, в этом городе, в этом зале, возможно — за этим столом. И он прав. Но не та ведьма. Вира не насылала болезнь на воеводу. У неё не было ни причин, ни желания вредить людям, с которыми она делила этот кров, этот хлеб, этот воздух. Она защищала их — от Нави, от тварей, от того, что прорывается сквозь истончившуюся ткань миров, а не убивала медленной мучительной смертью, сжигающей плоть изнутри. Значит, если он прав и это действительно магия, то в княжестве появилась ещё одна ведьма. И судя по тому, как уверенно и точно кто-то только что коснулся её защиты — прощупывая, оценивая, запоминая, — эта ведьма знает о присутствии Виры, знает и не боится, более того — она даёт понять, что готова к встрече.

Тёмная. Слово отозвалось в сознании глухим тревожным гулом. Да, не все ведьмы соблюдают кодекс, завещанный Велесом. Не все выбирают путь равновесия и защиты. Некоторые срываются в тёмный омут, к истокам хаоса, к Чернобогу, чьи дары всегда обжигают руки, но сулят власть, которой не достичь честным путём. Они творят смерть и ужас не ради великой цели, а ради самого процесса, ради пьянящего чувства всемогущества, ради смеха умирающих и криков, обезумевших от горя. Именно из-за них жгли костры по всему матерiku. Именно из-за них люди, чьи бабки ещё носили цветы к капищам, запирали двери при одном упоминании магии. Именно из-за них рождались инквизиторы — такие, как этот холодноглазый мужчина, сидящий напротив с бокалом вина в руке. Сбрасывать всю вину только на тёмных, конечно, нельзя — люди всегда боялись того, чего не могли понять, а страх плохой советчик, — но отрицать, что именно ведьмы-отступницы поднесли спичку к давно промасленному фитилю, было бы глупо и нечестно.

Вира сделала глубокий медленный вдох, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Нужно найти повод уйти. Сейчас же. Немедленно. Добежать до дома, позвать Амарока: волк умеет быть тенью, он выследит чужачку быстрее любой гончей, не выдавая себя ни единым шорохом. Но аккуратно. Очень аккуратно. Эта ведьма опасна. Вира чувствовала это кожей, нутром, каждой клеткой, наученной выживать в мире, где даже тени могут сомкнуться на горле. Она подняла бокал, пряча за глотком вина секундную дрожь в пальцах, и заставила лицо оставаться спокойным, безмятежным, почти скучающим.

— Какая печальная история, — произнесла она ровно. — Надеюсь, вы найдёте виновного, господин воевода.

Лука чуть склонил голову, принимая её слова, но взгляд его остался прежним: холодным, внимательным, ищущим. Он всё ещё смотрел на неё, и Вира вдруг поняла с пугающей отчётливостью: он не просто подозревает её. Он наблюдает. Ждёт. Проверяет каждое её движение, каждую эмоцию, каждый вздох. Игра только начинается.

Глава

IV

. Гостя теней

Молчание затягивалось, становясь вязким, как перестоявший кисель. Огонь в камине потрескивал, выплёвывая редкие искры на древесный пол, и Вира уже собиралась открыть рот, чтобы нарушить эту гнетущую тишину, но князь опередил её.

— Вира, — голос Захара обрёл ту особую скрипучую твёрдость, какую он приберегал для военных советов и непокорных бояр, — так как ты живёшь одна, было принято решение.

Он выдержал паузу, набычившись и сведя светлые брови к переносице. Вира мгновенно узнала этот взгляд — так князь смотрел на провинившихся дружинников, когда собирался рубить с плеча.

— Ты останешься жить во дворце. Покои ты уже видела сегодня... — он запнулся, и на миг в его голосе мелькнуло что-то похожее на неуверенность. — Надеюсь, тебе понравилось.

Вира открыла рот.

— Нет, — отрезал Захар, не дав ей вымолвить ни слова. — Это не обсуждается. Это приказ. И ты не ослушаешься.

Он подался вперёд, опершись локтями о стол, и в его глазах плескалась такая отчаянная, почти болезненная решимость, что ведьма на мгновение растерялась.

— Ты будешь жить тут, — повторил он, чеканя каждое слово. — Под охраной. В безопасности.

Наивный, глупый и добрый, в конце концов.

Он правда думает, что, если ведьма захочет пробраться в княжеский терем, его стены, стражи и тяжёлые дубовые двери хоть что-то ей сделают? Он правда верит, что опасность для неё таится снаружи, а не сидит сейчас напротив, грея руки о бокал с вином и наблюдая за ними обоими с холодным отстранённым любопытством?

Спорить было бесполезно.

Вира издала мычащий, нечленораздельный звук — чистой воды протест, вырвавшийся из горла раньше, чем она успела его придержать. Прямо как маленькая девочка, которую ругают за разбитую чашку. Она и сама удивилась этому.

— Захар, — она постаралась вложить в голос всю доступную жалобность, всю ту притворную беспомощность, которую так презирала в других, но которая сейчас была её единственным оружием. — Но там же мои вещи.

Она заглянула князю в глаза — снизу вверх, чуть склонив голову, касаясь пальцами ска-терти, словно ища опоры.

— Могу я хотя бы забрать их? Ну пожалуйста?

В этом «ну пожалуйста» было столько мольбы, сколько не вытянуть из целого хора придворных просительниц. Вира и сама не ожидала, что умеет так.

Захар дрогнул. Его решимость дала трещину, и в эту трещину хлынуло привычное, почти рефлекторное желание сделать для неё всё, что угодно: подарить луну с неба, достать со дна морского жемчужное ожерелье, приказать заложить карету и ехать хоть на край света.

— Да, — выдохнул он. — Конечно, Вира. Но под надёжной охраной.

Он обернулся к молчаливому собеседнику, и голос его обрёл былую твёрдость:

— Сопровождать тебя будет Лука.

Тишина, повисшая после этих слов, была гуще, чем прежде. Гуще и холоднее.

Вира почувствовала, как пальцы, сжимающие ножку бокала, едва заметно дрогнули.

Лука. Инквизитор. Убийца. Человек, чьи руки по локоть в крови тех, кто был ей если не сестрой, то хотя бы дальним, но родным по духу. Тот, кто меньше часа назад назвал её княжеской шлюшкой и едва не сомкнул пальцы на её горле. И теперь этот человек будет сопровождать её в единственное место, где она ещё могла чувствовать себя в безопасности — в собственный дом.

Вира медленно, очень медленно перевела взгляд на князя. Захар смотрел на неё с той же отчаянной собачьей преданностью, ожидая благодарности за свою заботу.

Она посмотрела на Луку.

Инквизитор сидел неподвижно, как изваяние. Его лицо оставалось бесстрастным, но в уголках губ — Вира готова была поклясться — пряталась тень той самой саркастической улыбки, от которой у неё внутри всё переворачивалось.

Он знал. Знал, что это за испытание — для них обоих. Знал и принимал его с холодным, почти спортивным интересом.

Что ж. Вира сделала глубокий вдох. Медленный выдох.

— Хорошо, — произнесла она ровно, глядя прямо перед собой. — Я согласна.

Голос её не дрогнул.

Вира с раздражением косилась назад, где во влажной вечерней мгле неотступно скользил высокий силуэт в синем плаще. Душегуб. Палач. Человек, который только что за ужином с наслаждением описывал, как убивает ведьм.

«Какого чёрта именно он? Зачем вообще всё это надо? Я же ведьма, в конце концов. Могу оморочить его и сбежать».

Она в который раз обернулась — и в тот же миг из мглы, разрезая серый сумрак, блеснули два ледяных огня. Он не сводил с неё глаз. Ни на мгновение. Ни на шаг.

«Нет. Нельзя. Надо быть осторожнее».

Она отвернулась, вцепившись взглядом в мокрую размокшую дорогу. То снег, то дождь — погода, как всегда, продолжает шутить с землёй и её хрупкими обитателями.

Ливень закончился всего полчаса назад, но щедро оставил после себя память — глубокие мутные лужи, в которых плавали обрывки прелой листвы и отражения туч. Ноги предательски скользили по этому месиву, тонкие подошвы туфель не держали размокший грунт, и каждый шаг давался с трудом.

Правая нога поехала в сторону.

Вира взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, судорожно протянула ладонь к мокрому скользкому забору — но пальцы лишь беспомощно царапнули дерево, не найдя опоры.

Сердце оборвалось и провалилось куда-то в живот, когда земля ушла из-под ног окончательно.

Но вместо жёсткого холодного удара о грязь и камни — что-то твёрдое и сильное перехватило её в воздухе, не дав упасть.

Вира открыла глаза.

Над ней, в каком-то жалком верхке от её лица, нависал Лука.

Близко. Слишком близко. Так близко, что она вдруг, вопреки всякой логике, вопреки страху и отвращению, смогла разглядеть то, что ускользало от неё раньше, при дневном свете и в полумраке замковых залов.

Его лицо было невозможно забыть.

Нос — тонкий, с ясным, благородным профилем и едва заметной горбинкой, словно кто-то из далёких предков сломал его в юности, да так и оставил, не став исправлять совершенное

природой. Скулы — высокие, спокойные, резко очерченные, как у статуи в древнем храме, куда давно не ступала нога человека.

Она хотела посмотреть в глаза — туда, в эти ледяные бездны, что пугали и притягивали одновременно, — но взгляд, непослушный и словно зачарованный, скользнул ниже. Губы. Мягкий, но чёткий, почти скульптурный изгиб. Ни капли той жёсткости, что застыла в линиях скул и подбородка. Верхняя чуть тоньше нижней, и в уголках притаилась тень — то ли усталости, то ли вечной, застарелой горечи.

Вира смотрела на эти губы и не могла отвести взгляд.

А потом уголки его губ дрогнули. Медленно, с ленивой, хищной грацией они поползли вверх, складываясь в усмешку, от которой у неё внутри всё переворачивалось и сворачивалось в тугую, болезненный узел.

— Не время валяться в грязи, — произнёс он, и голос его — низкий, с хрипотцой — прозвучал почти над самым ухом. — Ты слышала своего любовничка. У нас ограниченное время.

Он продолжал придерживать её за талию — крепко, но без лишней грубости. Рука, тяжёлая и горячая даже сквозь намокший шёлк, жгла кожу сквозь ткань.

— Или, — добавил он чуть тише, и ледяные глаза вдруг стали глубже, темнее, — может, завершим незаконченный разговор?

Вира замерла. Не дышала. Не моргала.

— Так вот, — он говорил ровно, спокойно, словно читал лекцию нерадивым студентам, — я убиваю только тёмных ведьм.

Его взгляд впился в её зрачки, не отпуская, гипнотизируя.

— Гадких. Вредящих.

И вдруг в этом ледяном, бесстрастном взоре сверкнуло нечто иное. Не холод — жар. Не равнодушие — жестокое, почти сладострастное наслаждение.

— Люблю сдирать с них кожу, — произнёс он медленно, смакуя каждое слово, словно дорогое вино. — Заживо. А потом сжигать. Медленно.

Его пальцы чуть сжались на её талии.

— Особенно нравится, если она не умерла сразу. Если чувствует боль. Если кричит. Долго.

К горлу Виры подкатил тяжёлый горький ком.

«Он перебрал с вином, — пронеслось в голове отчаянное, почти истеричное. — Он просто перебрал с вином. Он не может быть таким на самом деле. Никто не может быть таким...»

Она резко, со всего маху отмахнулась от его руки — так, словно к ней прикоснулось что-то мерзкое и липкое.

Отшатнулась, едва не поскользнувшись снова. Гордо вскинула подбородок, вцепилась взглядом в мокрый тёмный силуэт своего дома впереди.

— Идиот! — выплюнула она, не оборачиваясь. Голос сорвался на хрип — то ли от холода, то ли от подступивших слёз, которые она заставила себя проглотить.

И зашагала прочь — быстро, почти бегом, рискуя сломать каблуки и вывихнуть щиколотку, только бы не слышать больше этот голос, не чувствовать этот взгляд на своей спине. В ушах шумело. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Лука смотрел ей вслед.

Молча. Неподвижно. Лишь усмешка медленно сползла с его губ, оставляя лицо бесстрастным, как у покойника.

— Ты будешь стоять во дворе! — Вира обернулась уже с порога, вцепившись пальцами в мокрую дверную ручку. — И только сунься ко мне в дом!

Она метнула в него колкий, полный ледяной ярости взгляд.

— Я скажу Захару, что ты до меня домогался!

Инквизитор медленно, почти лениво склонил голову набок. Секунду смотрел на неё — изучающе, спокойно, без тени обиды или гнева. Затем коротко, едва заметно кивнул.

Вира нырнула в спасительный полумрак родного дома и захлопнула дверь перед самым его носом.

Гулкий удар дерева о косяк прокатился по коридору, словно выстрел. Затем — тишина. Такая плотная, что заложило уши.

Она прислонилась спиной к холодному дереву, закрыла глаза и позволила себе одну-единственную секунду слабости. Сердце колотилось где-то в горле, пальцы мелко дрожали, а в голове, как назойливая муха, кружило одно и то же:

«Он безумен. Он опасен. Он...»

Мысли путались, цеплялись друг за друга, не желая складываться в ровную логичную цепочку.

Что делать? Как остаться в доме, если этот психопат караулит за порогом? Как отделаться от него? Может, вообще сбежать? Прямо сейчас, через чёрный ход, через окно, раствориться в лесу, уйти в Навь, спрятаться там, где инквизиторы не суют свой нос...

Она сделала шаг в темноту прихожей. И замерла. Это была не та уютная, живая тишина, какой обычно дышали стены её избушки. Не то мягкое, мурлыкающее безмолвие, в котором угадывалось дыхание спящего Амарока, потрескивание защитных чар, лёгкий едва уловимый звон сигнальных нитей, протянутых от порога до алтаря. Ни звука.

Вира знала свой дом до последней половицы, до каждого узелка на занавесках и каждой руны, которую когда-то собственноручно вырезала на дверных косяках. Она помнила наизусть все звуки, которые издавали её защиты, — ту тонкую, почти неслышную песню, доступную только ей одной, но сейчас эта песня молчала. Кто-то взломал защиту.

Она медленно, очень медленно ступила вглубь дома, делая шаг за шагом, и старалась не выдать дрожи, которая предательски нарастала где-то под рёбрами. Внешне ничего не изменилось: всё те же полки с камнями и склянками, всё тот же стол, накрытый мороком под обычную крестьянскую утварь, всё те же пучки трав под потолком. Но воздух стал другим — чужим, тяжёлым, пропитанным чем-то холодным и липким, вязкий.

И в этой вязкости плавали, переливались гадкие серо-бирюзовые нити — словно слизь, оставленная гигантской улиткой. Присутствие чужака висело в пространстве, давило на виски, оседало на языке металлическим горьким привкусом.

Вира стиснула кулаки, сдерживая желание немедленно, не думая, ударить вслепую, наугад, выплеснуть всю скопившуюся за день магию в одну сокрушительную испепеляющую волну, но понимала, что нельзя — это привлечёт внимание и разрядит резерв, а она пока не знает, с кем или с чем ей предстоит столкнуться. И где же Амарок? Она позвала его мысленно раз, другой, третий, но в ответ была только тишина — ни отголоска его присутствия, ни намёка на его шерсть, дыхание или тяжёлую тёплую тень в радиусе хотя бы полукилометра. Волк исчез, растворился, словно его и не бывало никогда.

«Главное — добраться до алтаря», — твердила она себе, потому что там, под белой скатертью с защитными узорами, среди пирамид из камней и ловцов снов, хранилось оружие понадежнее, чем простая игла, — вещи, способные не только защитить, но и ударить в ответ. Вира двинулась вперёд, стараясь ступать бесшумно и почти не дышать; сердце колотилось быстро-быстро, кровь стучала в висках, но она заставляла себя сохранять спокойствие, дышать ровно и не ускорять шаг, потому что чужак — кто бы он ни был — мог оставить ловушки или крикунов, тех мелких тварей, которые оповещают хозяина о вторжении и заодно набрасываются на жертву, отвлекая, путая и замедляя.

Она почти дошла — оставалось всего несколько шагов, и Вира протянула руку к краю скатерти, тихо подбадривая себя:

«Смелее». Но едва пальцы коснулись вышитой ткани, она успела выдохнуть только короткое:

«Аку-у-ра-а... вот чёрт», — а следом грянула Яркая, ослепительно-белая, резанула по глазам, выжигая сетчатку, заставляя отшатнуться и зажмуриться. И в тот же миг тени — густые, чёрные, как смола — зашевелились по углам, потянулись друг к другу, сливаясь, сплетаясь, обретая плоть.

Перед ней стояла женщина с волосами цвета угля — чёрными, тяжёлыми, блестящими, словно каждый волос был выкован из обсидиана, — а её глаза, зелёные, пронзительные, неестественно яркие, горели в полумраке, как необработанные изумруды, в которых ещё не остыла магма. Длинная мантия, отливающая воронёной сталью, ниспадала до самого пола, и по подолу, по рукавам, по широким полам вилась алая вышивка — пентаграммы, перевёрнутые руны и другие символы, от одного взгляда на которые у Виры заледенела спина. Она сразу поняла, кто перед ней: Тёмная.

Незнакомка стояла молча, не двигалась и не говорила, и лишь её губы медленно, торжественно разошлись в надменной самодовольной улыбке — она была довольна собой, потому что застала хозяйку врасплох, ворвалась в чужой дом как к себе и теперь наслаждалась замешательством Виры.

— Тёмная... — выдохнула Вира, не в силах закончить фразу, и в этот же миг женщина вскинула руку. Движение оказалось стремительным, почти неуловимым, и из её ладони со свистом, разрезающим воздух, метнулись ледяные копья — острые, смертоносные, они летели прямо в грудь, в лицо, в горло. Лишь чудом, одним из тех чудес, что даруются только отчаянием и многолетней выучкой, Вира успела пригнуться, упасть и покатиться по полу, уходя с линии атаки; она чувствовала, как ледяной воздух от пролетевших копий обжигает щёки, а сердце на мгновение останавливается, чтобы затем забиться с удвоенной силой.

Ледяные иглы вонзились в стену за её спиной с мерзким хрустящим звуком.

Вира ответила, не думая. С пальцев сорвались электрические шары — шипящие, трескучие, полные слепой неуправляемой ярости. Они ударили в тёмную, разбились о невидимый щит, рассыпавшись веером синих искр.

Со стен, не выдержав вибрации, посыпались полки. Камни — аметисты, цитрины, кианиты — градом покатались по полу, смешиваясь с осколками разбитых склянок. Запахло пылью, кровохлёбкой и чем-то острым, металлическим — магией, выпущенной на свободу.

Тёмная отбила атаку легко, почти играючи. Но один из электрических шаров, отрикошетив от её защиты, ударил в ткань, закрывавшую окно.

Тонкий лён, выполнявший роль занавески, вспыхнул мгновенно.

Огонь жадно лизнул сухую материю, перекинулся на подоконник, заплясал на старых деревянных рамах.

Вира вскочила на ноги, лихорадочно соображая, и моментально оценила расстановку сил: алтарь с оружием остался за спиной тёмной, тогда как единственный выход находился позади неё самой, а пламя, уже набирающее силу, начинало отрезать путь к отступлению, сужая пространство для манёвра. Две ведьмы застыли друг напротив друга, словно шахматисты перед решающим ходом, и воздух между ними искрил, наливаясь тяжёлой, почти осязаемой мощью, готовой в любой момент взорваться смертоносным каскадом чар. Вира лихорадочно тянулась сознанием к посоху с аквамарином, который лежал за алтарём, прислонённый к стене, и тот отзывался на её зов глухим, пульсирующим теплом, обещая силу и защиту, — оставалось всего лишь чуть-чуть, ещё одно мгновение.

— Какого черта ты творишь?! — голос Виры резанул тишину, злой и хриплый. — Что ты делаешь в моём доме, падла?!

Она тянула время. Тёмная, конечно, чувствовала эти жалкие потуги, но сам факт того, что жертва смеет не только сопротивляться, но и говорить — уже бесил. Это читалось в хищ-

ном прищуре изумрудных глаз, в нервной дрожи длинных пальцев, сжимающих рукоять ледяной секиры.

— А ты, — голос тёмной сочился ядом, медленным и густым, — кровь от крови моя, сестра по дару, лобзаешься с этим ублюдком?

Она шагнула вперёд, и секира в её руке тяжело качнулась, описав в воздухе полукруг.

— Сидишь за одним столом. Пьёшь с ним вино. Улыбаешься ему, как дешёвая шлюха.

Удар оказался настолько стремительным, что Вира не успела ни уклониться, ни выставить хотя бы самый простой блок, и ледяное лезвие плашмя врезалось в плечо с такой силой, что её просто сбило с ног и бросило на пол прямо в груды осколков и рассыпанных камней

— Как ты могла предать нас? — тёмная нависла над ней, и в зелёных глазах плескалось уже не безумие — холодная расчётливая ненависть. — За это умрёшь. Так же, как сёстры. Мучительно.

Второй удар пришёлся в шею, и острая режущая боль вспышкой пронзила тело, так что Вира почувствовала, как что-то тёплое и влажное стремительно заливают ключицы и грудь, а затем растекается по полу липкой пульсирующей лужицей. В глазах у неё помутилось, краски поплыли и смешались в серую вязкую кашу, и она подумала отстранённо, почти удивлённо, что совсем не так представляла свою смерть. Рука убийцы тем временем взметнулась, готовясь нанести последний добивающий удар, и в этот миг мир раскололся: звон разбитого стекла прозвучал набатом, тёмная дёрнулась и обернулась, а в следующее мгновение огромная чёрная тень сбила её с ног, врезавшись в бок с такой силой, что ледяная секира отлетела в угол и жалобно звякнула.

Завязалась драка — послышалось рычание, хруст, глухие удары тел о стены и пол, но Вира уже не видела этого, потому что сознание ускользало и таяло, как утренний туман.

«Вот и всё», — подумала она, проваливаясь в тёплую мягкую темноту.

Голос доносился откуда-то издалека, сквозь толщу воды и сквозь вату, забившую уши: «Вира! Вира, не смей спать! Не спи!» — но она и не спала, ей просто нужно было идти вперёд, туда, где уже ждали и манили. Река. Виринея стояла на берегу и смотрела на воду. Река Судеб — Смородина — текла перед ней, величественная и пугающая. В преданиях говорили разное: одни клялись, что вода в ней огненная — жидкое пламя, пожирающее плоть и кости; другие шептали, что в русле текут расплавленные металлы — серебро, золото, железо, смешанные в адском котле; третьи утверждали, что река полыхает вся, от берега до берега, а мост над ней — из чистого льда, который не тает даже в этом всепожирающем жаре.

Мост. Вира подняла взгляд и увидела его — белый, искрящийся, словно сотканный из морозного дыхания самой зимы, прозрачный и чистый, как слеза. Она знала, что этот мост видят лишь те, кто может пройти без испытания — великие воины и те, кто послужил миру праведно, тогда как для остальных он был каменным, раскалённым, выжигающим подошвы до кости, а тех, кто не прошёл, Велес не впускал во Врата Нави, и душа переставала существовать, рассыпаясь пеплом и возвращаясь в Алатырь, чтобы питать новые миры и новые судьбы. Жестоко, но справедливо: слишком многие ушли к Чернобогу, слишком много мёртвых душ — окаменевших, иссохших, неспособных к перерождению — и зачем тратить энергию мироздания на тех, кто его уничтожает?

Вира ступила на лёд, и он не треснул и не покачнулся — под босыми ступнями разливался лишь ровный спокойный холод, и она пошла вперёд. Но снова раздался голос — резкий, злой, отчаянный:

«Вира, чёрт тебя побери! Немедленно очнись!» — и мост дрогнул, поплыл, отдаляясь и становясь призрачным, нереальным, а голос становился всё громче. Веки не слушались — тяжёлые, словно налитые свинцом, они никак не желали подниматься, но Вира заставила себя рывком, через дикую выматывающую боль, и мутный расплывчатый свет ударил по глазам.

Над ней склонился Лука — близко, очень близко, его лицо с резкими скулами, тонкой горбинкой носа и чётким изгибом губ плыло в тумане, но взгляд был ясным, ледяным, и в этом льде плескалось что-то, чему она не могла подобрать названия. «Неужели, — выдохнул он, и в голосе вдруг прорезалась такая усталость, будто он сам только что вернулся с того света, — не вздумай сдохнуть тут, поняла?» Шея горела огнём — каждое движение и каждый вздох отдавались пульсирующей раскалённой болью, словно к открытой ране раз за разом прижимали калёное железо, но рана была перевязана, и Вира чувствовала под пальцами грубую туго стянутую ткань. Лука подхватил её под спину и колени — бережно, почти невесомо, и в то же время надёжно, так что она не чувствовала ни страха падения, ни лишнего давления на израненную шею — и прижал её голову к своей груди осторожно, стараясь не задеть повязку.

«Смотри не усни, — голос его звучал глухо, где-то над макушкой, — я отнесу тебя во дворец».

— Что... случилось? — выдохнула Вира едва слышно, потому что губы не слушались, язык заплетался и каждое слово давалось с трудом. «Молчи, — прижал он её крепче, ускоряя шаг, — не трать силы на пустую болтовню. Ты ещё нужна этому миру». Она не видела, как он бежал, но чувствовала — по ровному сильному биению сердца под щекой, по тому, как плавно, без единой лишней тряски движется его тело; так быстро она сама не бегала даже в лучшие времена, а он нёс её на руках, раненую, окровавленную, умирающую, и не сбавлял шага.

— Лекаря! — его голос громом раскатился под сводами замка. — Где лекарь князя? Лекаря, быстро!

Слуги, сновавшие по коридорам, замерли и обернулись; кто-то ахнул, кто-то выронил поднос, и на лицах застыла смесь ужаса и неприкрытого жадного любопытства, потому что на руках у инквизитора, в синем плаще, забрызганном тёмной, ещё не успевшей засохнуть кровью, висела та самая, о которой последние полгода шептался весь дворец — возлюбленная князя, будущая княгиня, белая и безжизненная, с пропитанной алым повязкой на шее.

— Что оставились, зеваки? — рявкнул Лука, и в голосе его прорезался тот самый ледяной металл, от которого у Виры когда-то замерло сердце. — Тащите тазики с кипятком, тряпки, жгуты, травы обеззараживающие — всё, что нужно для обработки раны и остановки кровотечения! Живо!» Слуги бросились врассыпную, толкаясь и спотыкаясь, а он добавил уже тише, почти про себя — но Вира услышала: «И князю доложите».

А потом сознание снова начало ускользать, утягивая её в мягкую тёмную воронку; напоследок она почувствовала, как пальцы инквизитора — холодные, но почему-то бережные — коснулись её запястья, проверяя пульс, и провалилась в темноту.

Часть

II

. Тёмная сестра

Глава

I

. Выздоровление

Темнота, в которую она провалилась после той ночи, оказалась недолгой — уже через несколько дней Виринея нарушила все просьбы и мольбы лекарей и знахарей, которые в один голос твердили;

— Вам нужен покой. Полный покой. Никаких движений, никаких волнений, никаких...

Она перестала слушать их на третьем «никаких», потому что тело ныло, шея горела огнём под повязками, а в голове пульсировала одна-единственная мысль: найти ответ. Тёмная ведьма не просто так напала, не просто так ждала именно её и не просто так кричала про «кровь от крови» и «предательство сестёр» — Вира чувствовала, что здесь что-то было не так, что-то большее, чем просто охота, и от мысли, что ведьма могла решить, будто она и этот инквизитор действуют заодно, по телу побежали мурашки. Стиснув зубы, она поднялась с постели, хотя

каждый шаг давался с трудом: ноги подкашивались, в глазах темнело, а стены коридора плыли и раскачивались, будто она шла по палубе корабля в жестокий шторм, и приходилось останавливаться через каждые несколько шагов, прижиматься к холодному камню и ждать, пока мир перестанет кружиться

— Ничего, — шептала она себе под нос, — ничего. Я справлюсь. Я всегда справлялась.

В библиотеку она вошла, уже почти не соображая от слабости, но упрямо сжимая зубы.

Здесь пахло пылью, воском. Высокие, под самый потолок, стеллажи уходили в полумрак, теряясь где-то в тени сводчатых перекрытий. Узкие окна пропускали слишком мало света, и в библиотеке царил вечный серый сумрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.